

ВОСПОМИНАНИЯ ВРАЧА О БИТВЕ ЗА МОСКВУ В 1941 г. (К 75-ЛЕТИЮ ОБОРОНЫ СТОЛИЦЫ)

А. Ногаллер, доктор медицинских наук, профессор
Рязань

E-mail: a.nogaller@mail.ru

Автор делится воспоминаниями о работе во фронтовом госпитале во время обороны Москвы 1941–1942 гг.

Ключевые слова: хирургия, медицинская помощь, Великая Отечественная война, битва за Москву.

22 июня 1941 г. вошло в историю как начало Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков.

Летом этого года я вместе с другими студентами IV курса Первого Московского медицинского института им. И.М. Сеченова был на летней практике в районной больнице. В ночь с 20 на 21 июня по радио была объявлена воздушная тревога. Мы быстро оделись и побежали в операционную, но вскоре раздался сигнал отбоя: оказалось – тревога учебная.

На следующую ночь меня вновь разбудил сосед: «Вставай скорее, тревога!». Сквозь сон я пробормотал, что вчера уже была тревога. «Нет, – тормозил он меня, – это не учебная, это настоящая тревога – началась война!». В тот же день с обращением к советскому народу по радио выступил председатель Совнаркома СССР В.М. Молотов, а 3 июля – И.В. Сталин.

Вскоре нас вызвали в Москву, занятия в институте продолжились. Нам часто приходилось ночами при налетах вражеской авиации дежурить на крышах домов, чтобы гасить зажигательные бомбы. Их надо было вовремя схватить специальными металлическими щипцами и потушить в стоявшем для этого на крыше ящике с песком. Иногда бомбежка продолжалась всю ночь, а утром надо было идти на занятия.

Так было в первый месяц войны. Позже фашисты стали сбрасывать преимущественно фугасные бомбы, и тогда по сигналу воздушной тревоги надо было спускаться в бомбоубежище – в ближайшую станцию метро или обычный подвал, более или менее приспособленный для ночлега. Люди таскали с собой раскладушки, одеяла, детские коляски, подушки. С наступлением темноты окна в квартирах тщательно завешивали, чтобы вражеские летчики не видели жилых домов. Наши занятия на V, последнем тогда курсе продолжались всего 3 мес.

Когда немецко-фашистские войска оказались на подступах к Москве, нам досрочно, без госэкзаменов, по приказу наркома здравоохранения СССР выдали дипломы об окончании института и присвоении звания врача.

В действующую армию на западном направлении от Москвы я попал в начале октября, став старшим (и единственным) врачом 703-го артиллерийского полка 5-й Армии.

В начале войны под натиском превосходящих сил противника наши войска были вынуждены с упорными боями

отступать в сторону столицы. Орудия нашего полка били прямой наводкой по продвигавшимся вдоль дороги танкам. Противотанковых орудий и противотанковых ружей (ПТР) не хватало. Нередко пехотинцы поджигали наступающие танки бутылками с зажигательной смесью и жертвовали жизнью, чтобы не пропустить врага к столице. Таких героических поступков было множество, но не все имена этих героев известны потомкам.

В нашем полку было 5 батарей, из них 4 стреляли прямой наводкой по наступающим вдоль Минского и Можайского шоссе танкам, а 5-я батарея была зенитной.

Мы отступали вместе с пехотными частями от Можайска до станции Кубинка. Это было, пожалуй, самое трудное время. Во время одного из таких боев наш полк потерял половину личного состава и орудий. Командира полка капитана В.Н. Иванова после этого боя хотели даже (как мне впоследствии рассказывал начальник штаба полка А.С. Антоненко) отдать под суд, но пожалели, и хорошо сделали: закончил войну Василий Николаевич в чине генерал-майора, получив звание Героя Советского Союза.

В одном из боев командир орудия А. Винокуров получил множественные осколочные ранения грудной клетки и конечностей. После оказания первой помощи его удалось быстро отправить в ближайший медсанбат, потом — в полевой армейский госпиталь и в глубокий тыл. Я встретился с ним случайно в 1950 г., когда работал в клинике Института питания в Москве, а он поступал в клинику для лечения язвенной болезни. Александр рассказал, что в результате ранения один из осколков повредил у него позвоночник и спинной мозг, вызвав расстройство тазовых органов и паралич обеих ног. Пять долгих лет он не мог ходить, но не пал духом. До войны он едва успел закончить десятилетку да ускоренные артиллерийские курсы. И поэтому, будучи прикованным к постели, начал изучать историю и философию, заочно сдал экзамены за университетский курс, потом успешно защитил кандидатскую диссертацию. Ко времени нашей встречи он мог передвигаться на костылях, водил машину и преподавал философию в Московском университете. Вот так: сильный дух помогает вернуть здоровье телу. Таких настоящих людей, как герой «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, лишившийся на войне ног Алексей Маресьев, мне приходилось встречать после войны немало. Эти люди преодолевали свое увечье после ранения и добивались намеченной цели.

6 декабря 1941 г. Совинформбюро сообщило о начале контрнаступления наших войск. По всей огромной линии фронта, но преимущественно с флангов, окружавших Москву, началась артиллерийская подготовка, усилились на-

леты нашей авиации на вражеские позиции, вперед пошли пехотные части. Немцы вынуждены были отступить, но яростно стремились удержать каждый опорный пункт, деревню, речушку. Продвижение наших войск стоило больших жертв; усилился поток раненых. Наш полковой медпункт работал очень напряженно; большие трудности были с эвакуацией раненых и доставкой их в ближайший медсанбат. Часто приходилось выдерживать настоящие баталии, останавливая попутные машины, идущие налегке в тыл, чтобы они забрали раненых.

К концу декабря на нашем участке фронта наступило затишье. Личный состав полка пополнился молодыми бойцами из Сибири, с Урала. Вспоминается встреча Нового года в землянке в лесу у деревни Полушкино, куда нас пригласили командир 3-й батареи М.В. Мартемьянов и комиссар Пресняков, который приготовил настоящие сибирские пельмени. Был у нас на столе и привезенный мной спирт (в небольшом, но достаточном для праздника количестве)... Вдруг ровно в полночь раздался грохот артиллерийских орудий. Это выполнялось распоряжение дать по позициям врага залп в знак нашей победы уже в наступающем году. Для противника это было неожиданностью; завязалась кратковременная перестрелка, но вскоре все затихло, и мы продолжили застолье, выпив за грядущую победу.

В начале января 1942 г. обстановка на фронте стала спокойнее, представилась возможность заняться обычными лечебно-профилактическими мероприятиями, организовать баню, стрижку бойцов. Немцы при отступлении сжигали деревни (очевидно, не надеясь вернуться сюда), поэтому располагались мы преимущественно в лесу, в землянках. Вспоминаются заснеженные, казалось, бесконечные дороги, переезды, обустройство на новом месте. Тяжелое впечатление оставляли рассказы уцелевших жителей о зверствах фашистов, об угоне женщин и девушек на работы в Германию.

В начале 1942 г. началось наступление и на нашем участке фронта. Войска Красной Армии продвигались на запад, захватывая вражескую технику и пленных. Особенно памятны бои на знаменитом Бородинском поле (западнее Можайска), которое было после упорных оборонительных боев оставлено 18 октября 1941 г., а 20 января 1942 г. наступающие войска 5-й Армии овладели селами Бородино и Горки и вышли на рубеж реки Колоочь. Само село Бородино фашисты успели сжечь, но наступление наших войск было столь стремительным, что знаменитые памятники Отечественной войны 1812 г. остались неповрежденными. После окончания войны на Бородинском поле был установлен памятник воинам 5-й Армии, освободившей это историческое место.

Александр Ногаллер
в 1941 г.

Генерал-майор
В.Н. Иванов

Братская могила советских воинов 5-й Армии на северной
окраине станции Бородино

Старший лейтенант
Владимир
Владимирович
Ковалев

С Людмилой Ковалевой, 2010 г.

В феврале 1942 г. наши войска заняли станцию Уваровка, крупный железнодорожный узел. Ожесточенно сопротивлявшийся противник в течение нескольких часов непрерывно бомбардировал станцию и поселок. Помощь раненым приходилось оказывать не только в палатке медсанбата пехотной дивизии, но и непосредственно на улице. Удивляло, с каким мужеством женщины-врачи и медсестры продолжали помогать раненым, не обращая внимания на почти непрерывные взрывы. Я как раз находился в палатке медсанбата, когда услышал голос санинструктора Семена Мазнева: «Доктор, идите скорее — Ковалева ранили». Я выбежал из палатки. Старшего лейтенанта Ковалева, который был командиром роты разведчиков нашего полка, я хорошо знал. Я уже писал о поистине «царском подарке» (Врач — 2015; 5: 83), который он сделал нам, медикам, подарив лампу-гильзу от крупного артиллерийского снаряда, дававшую неплохое освещение (до этого у нас была маленькая гильза от ружейного патрона).

И вот теперь я увидел лежащего на снегу Ковалева с тяжелым проникающим ранением в живот; вывалившиеся кишки смешались с землей, кровью, снегом. Я наложил повязку. Ковалев успел прошептать: «Доктор, спаси!», но тут же дыхание прекратилось, пульс исчез. Никогда не забуду его застывшие глаза. Он умер у меня на руках.

Владимиру Владимировичу Ковалеву было всего 26 лет. До войны он с отличием окончил Краснодарский педагогический институт, женился, в 1939 г. у него родилась дочь Людмила. Но поработать учителем ему почти не довелось — сначала пришлось участвовать в финской войне, потом — окончить специальные курсы разведчиков.

Прошло много лет. Благодаря Интернет-журналу мне удалось сначала заочно познакомиться с дочерью погибшего Ковалева — Людмилой, а в 2010 г. она вместе со старшим сыном Владимиром приехала ко мне. Они рассказали о довоенных годах жизни отца и бабушки, узнали от меня о его участии в боях, об однополчанах, наших встречах с ним.

Похоронен В.В. Ковалев в Уваровке. Сейчас здесь мемориальное кладбище.

В боях под Москвой гитлеровская армия потерпела первое серьезное поражение. Однако лишь после битвы под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге укрепились уверенность в нашей скорой и полной победе, хотя война продолжалась еще 2 года. Сражение под Москвой стало переломным пунктом в Отечественной войне, оно обеспечило успешное продвижение наших войск на Запад и освобождение от немецко-фашистских захватчиков.

A PHYSICIAN'S MEMORIES OF THE BATTLE OF MOSCOW IN 1941 (ON THE OCCASION OF THE 75th CAPITAL DEFENSE ANNIVERSARY)

*Professor A. Nogaller, MD
Ryazan*

The author shares memories of his work at a frontline hospital during Moscow defense in 1941–1942.

Key words: surgery, medical care, Great Patriotic War, Battle of Moscow.